

Тихо опустилась ночь. Последние лучи заходящего солнца рассеялись. Глаза Цзи Ваня тускло блестели в сумерках. Вскоре врач включил свет в комнате. Тун Цинхэ потрогал свои влажные веки и хрипло сказал:

— Конечно, нет.

В его голосе звучала некая упрямая твёрдость:

— Мы — независимые личности.

Цзи Вань, казалось, взвешивал правдивость этих слов. Он самокритично рассмеялся:

— Правда? Я тоже так думал. Но на самом деле мы — это те, кто стоит в самом низу гендерной иерархии, те, кто может быть только подчинён альфам.

Цзи Вань в полузабытьи смотрел на Тун Цинхэ. Следы слёз под его глазами были еле заметны:

— Ты же пережил гон? Это чувство бессилия, скотское желание альфы, отчаянное желание, чтобы он тебя подчинил... Я никогда этого не забуду.

— Я его не люблю, но хочу, как собака, ползти к нему. — Цзи Вань бормотал про себя. Его психическое состояние выглядело ужасно. Он погрузился в галлюцинации, из которых не мог выбраться. Тун Цинхэ, подхватив его настроение, нахмурился, его слабые кулаки сжимались всё крепче.

Он хотел как-то утешить Цзи Ваня, но не знал, с чего начать.

То, что он пережил в те дни гона, до сих пор вызывало у него дрожь. Несмотря на то, что рядом был его альфа, который заботился о нём, но когда человек не может контролировать ни своё тело, ни свою душу, это чувство беспомощности, когда ты плывёшь по течению, подчинённый другому, могут понять только они. Даже его альфа не мог понять этого глубокого чувства.

Посвящение всего себя, без остатка, жертвование собой, зависимость. Как плющ, который может только цепляться за опору. У них есть только альфа, и остаётся только альфа.

Тун Цинхэ и Цзи Вань погрузились в долгое молчание. Тун Цинхэ посмотрел на темноту, сгустившуюся за окном. Скоро Цзян Шаочжи, вероятно, найдёт их.

— Цзи Вань, я провожу тебя в общежитие. А твой ребёнок... — Тун Цинхэ заверил его: — Я уважаю твоё решение и обещаю хранить твою тайну. Пожалуйста, береги себя.

Цзи Вань безразлично кивнул. Тун Цинхэ проводил его в общежитие. Выйдя из лазарета, они наткнулись на альфу, который искал его.

— Дядя, — Тун Цинхэ представил Цзи Ваня Цзян Шаочжи, — Цзи Вань плохо себя чувствовал. Я привёл его к врачу.

Цзи Вань держался на расстоянии от них. Его фигура, тонкая и одинокая, стояла в ночи. Казалось, его вот-вот поглотит бескрайняя тьма.

Цзи Вань сказал:

— У вас свои дела. Я сам дойду, — он утешил Тун Цинхэ: — Я отдохнул, и мне уже не так плохо. Не волнуйся.

Сказав это, Цзи Вань, боясь, что Тун Цинхэ последует за ним, ушёл первым. Тун Цинхэ смотрел вслед его удаляющейся фигуре, не решаясь что-то сказать. Его настроение упало до предела. Он шёл рядом с Цзян Шаочжи по аллее, и его состояние явно было ненормальным. Он был потерян.

Цзян Шаочжи выпустил свои феромоны. Нежный сандал окутал омегу, даря ему всестороннее утешение.

Тун Цинхэ почувствовал, как его успокаивают. Он сам взял Цзян Шаочжи за руку, обхватил мизинец альфы:

— Дядя, я только что узнал один секрет. Но я не могу тебе его рассказать.

Он обещал Цзи Ваню хранить тайну. Но накопившуюся в сердце боль он не мог преодолеть. Он мог только уклончиво довериться своему альфе.

Цзян Шаочжи, слушая его несвязную речь, догадался, что дело, вероятно, связано с Цзи Ванем.

Даже если Цзи Вань был омегой, из-за ревности Цзян Шаочжи не хотел, чтобы его омега думал о ком-то, кроме него.

Аромат сандала постепенно усилился. Тун Цинхэ, почуяв его, почувствовал, как его ноги дрожат. Он был в замешательстве:

— Дядя?

Цзян Шаочжи, держа в одной руке пакет с едой, обхватил Тун Цинхэ за талию:

— Не думай о других, — он сделал паузу, его голос был низким и глубоким: — Думай обо мне.

Цзян Шаочжи говорил это очень естественно. Его омега должен думать только о нём. Эта мысль укоренилась в его голове. Врождённая уверенность и гордость альфы не позволяли его

омега смотреть на кого-либо, кроме него.

Ветер в Платановой роще был очень сильным. Тун Цинхэ инстинктивно прижался к Цзян Шаочжи. Выпущенный им жасмин был окружён большим барьером из сандала. Густой сандал властно занимал пространство, создавая безопасный круг. Жасмин, блуждавший вокруг, коснувшись барьера сандала, робко отступил.

Войдя в квартиру, Тун Цинхэ, покраснев, выскочил из объятий Цзян Шаочжи. В руках он держал маленькую коалу.

Детёныш коалы, проснувшийся впервые, крутил своими чёрными глазками-бусинками. Он полз по руке Тун Цинхэ на его плечо, садился там, закрывал глаза, готовый снова заснуть.

Цзян Шаочжи с нежным взглядом посмотрел на Тун Цинхэ и детёныша коалы. В то же мгновение он призвал Цюн-ци.

Цюн-ци встряхнул своей густой шерстью. Его пронизательный взгляд сфокусировался на Тун Цинхэ и маленькой коале, спящей на его плече. Он мгновенно смягчился. Огромная пушистая голова нежно потёрлась о лицо Тун Цинхэ, а затем он с тоской посмотрел на него, не скрывая своего сильного желания к маленькой коале.

Тун Цинхэ погладил маленькую коалу по голове. Цюн-ци высунул язык, лизнул его по руке. Его хвост обхватил его лодыжку. Передние лапы пригнулись. Всё его огромное тело прижалось к полу. Его влажный, тёплый нос прижался к его ноге, и он тихо прорычал:

— Ау...

Цзян Шаочжи дёрнул веком, отвернулся к окну и быстро направился к столу, раскладывая упакованную еду.

Тун Цинхэ осторожно положил маленькую коалу в объятия Цюн-ци. Маленький тёмно-серый комочек. Цюн-ци был любопытен и нервничал. Он неуклюже коснулся его лапой, но тут же отдёрнул её, боясь навредить. Он был рад. Он сдерживал тихое рычание в горле. Хвост постоянно двигался. Он высунул кончик языка, осторожно вылизывая мех на спине маленькой коалы.

С момента появления маленькой коалы Цюн-ци ещё не имел возможности побыть с ней наедине. Теперь пушистый малыш был в его объятиях. Он боялся его лизнуть, боялся ткнуть, боясь его растопить или сломать.

Цюн-ци поднял голову, нежно потёрся о ногу Тун Цинхэ. Хвост тихонько обвил коалу и положил её на широкую, тёплую спину.

Маленькая коала, свернувшись калачиком, сладко спала. Цюн-ци выпрямился, оглянулся на

своего хозяина, затем повернулся, лизнул Тун Цинхэ по щеке и хлоп — выпрыгнул в окно, исчезнув в темноте.

Тун Цинхэ:

— ...

Он вернулся к столу:

— Дядя, куда ушёл Цюн-ци?

Цзян Шаочжи улыбнулся ему. Слабый терпко-сладкий сандал, словно дразня Тун Цинхэ, касался его открытых, чувствительных мест.

Тун Цинхэ вздрогнул. Он чувствовал, что улыбка его альфы вызывает у него мурашки.

— Сначала поешь, чтобы набраться сил. — Цзян Шаочжи поднёс суп к губам Тун Цинхэ. Тун Цинхэ хотел схватить ложку, но у него не получилось. Ему пришлось есть из рук альфы, глоток за глотком.

Цзян Шаочжи привык быть один. Он прошёл через огонь и воду, действовал чисто и быстро. Ему не нужна была забота, и он сам не заботился о других. Он поднял Тун Цинхэ и посадил его себе на колени. Свободной рукой он обхватил его тонкую талию. Он погладил живот омеги. Он кормил его, пока тот не наелся, затем сам, без церемоний, проглотил остатки еды.

— Дядя, я хочу спуститься...

Ладонь на его талии была крепкой и надёжной. Тун Цинхэ не мог вырваться. Он немного пошевелился, но получил предупреждающий взгляд альфы, который велел ему сидеть смирно.

Тун Цинхэ замер в объятиях Цзян Шаочжи. Его голова склонилась. Его тонкая шея обнажилась. Железа слегка покраснела. Аромат жасмина, витавший в гостиной, мгновенно приобрёл некий соблазнительный оттенок.

Цзян Шаочжи внезапно перестал есть. Его взгляд сфокусировался на изменяющейся части тела. Он увидел, как из шеи омеги постепенно выделяется влага. Он оттолкнул миску, обхватил Тун Цинхэ за руки и поднял его.

Взгляд Тун Цинхэ поднялся. Он обхватил голову Цзян Шаочжи. В этой позе он вспомнил день своего «предложения». Его щёки горели:

— Дядя, почему ты так меня держишь? Опустит.

Его голос внезапно оборвался. Пальцы крепко сжали волосы Цзян Шаочжи. Из горла вырвался тихий звук.

— Дядя, — он едва мог говорить, дрожа, спросил: — Что делает Цюн-ци...

Духовный зверь и его хозяин — одно целое. В этот момент Цюн-ци, видимо, что-то делал с маленькой коалой. Коала ворочалась, тихонько, нежно жужжа, словно во сне.

Тун Цинхэ, наивный и нетерпеливый, влажными глазами смотрел на Цзян Шаочжи, ища ответа.

Цзян Шаочжи слабо улыбнулся:

— Цюн-ци просто играет с коалой.

Лицо омеги горело. Он закрыл глаза и терпел. На лбу и висках выступил мелкий пот. Он сдерживал звук в горле, словно его обидели. Но его слова не несли угрозы, всегда были мягкими. Чем послушнее он был, тем больше хотелось его мучить.

Тун Цинхэ задержал дыхание и сказал:

— Так не играют.

Цзян Шаочжи отнёс Тун Цинхэ в ванную. После прошлого раза он установил там дополнительную ванну, набрал горячей воды, чтобы Тун Цинхэ мог помыться.

Тун Цинхэ опустил глаза и молчал. Его белые зубы крепко сжались. Он немного дрожал, сжавшись в тёплой воде. Он терпел до предела. Он поднял мокрое лицо и жалобно посмотрел на Цзян Шаочжи:

— Дядя, прикажи Цюн-ци остановиться.

Духовные звери гораздо более покорны своим желаниям, чем их хозяева. В конце концов, звери не знают стыда. Они делают то, что хотят. Различные действия Цюн-ци заставили спящую маленькую коалу не сопротивляться. Она сладко спала. В сладких снах свирепый зверь пометил её с ног до головы, как зверь помечает свою территорию. Маленький серый комочек теперь издавал запах Цюн-ци.

Она пискнула, перевернулась на лапах Цюн-ци, а затем хвост обвил её и вернул обратно.

Вода в ванной была тёплой, туманной. Тун Цинхэ собрался выйти, но его запястье сжалось. Цзян Шаочжи легко потянул его обратно в воду.

<http://bllate.org/book/4/99>